

Л. Сообщение № 521/1992, Владимир Куломин против Венгрии (соображения, принятые 22 марта 1996 года, пятьдесят шестая сессия)*

Представлено: Владимиром Куломиным

Жертва: автор сообщения

Государство-участник: Венгрия

Дата сообщения: 6 мая 1992 года (первоначальное представление)

Дата решения о приемлемости: 16 марта 1994 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 22 марта 1996 года,

завершив рассмотрение сообщения № 521/1992, представленного Комитету по правам человека г-ном Владимиром Куломиным в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв к сведению всю письменную информацию, представленную ему автором сообщения и государством-участником,

утверждает свои соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола.

1. Автор сообщения является российский гражданин Владимир Куломин, родившийся в Ленинграде в 1954 году и в настоящее время содержащийся под стражей в Будапеште. Он утверждает, что является жертвой нарушения Венгрией его прав человека. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах вступил в силу для Венгрии 7 декабря 1988 года.

Факты, представленные автором

2.1 Автор проживал в Будапеште по соседству от некоего Д.Т. и его подруги К.Г. 25 июля 1988 года Д.Т. и К.Г. отправились в сопровождении автора в дом к отцу К.Г., поскольку К.Г. заявила, что они должны были взять у ее отца кое-какие документы и что они нуждались в защите со стороны автора, так как ее отец страдал психическим заболеванием. Как только они прибыли, отец К.Г. вышел из дома и, увидев автора, Д.Т. и К.Г., попытался ударить автора. Автор оттолкнул его, и он упал; после этого они связали отца К.Г., поскольку К.Г. и Д.Т. сказали автору, что он опасен и способен на все. После того как К.Г. заявила, что она позвонила в психиатрическую больницу и что оттуда приедут, для того чтобы забрать ее отца, автор покинул место происшествия.

* В соответствии с правилом 85 правил процедуры член Комитета г-н Тамаш Бан не принимал участия в утверждении соображений. К настоящему документу прилагается текст особого мнения одного из членов Комитета.

2.2 8 августа 1988 года у автора, находившегося в тот момент в Ленинграде, состоялся телефонный разговор с Д.Т. и К.Г. Он заявляет, что в ходе разговора они сообщили ему лишь о том, что отец К.Г. умер, и ничего не сказали ему об обстоятельствах его смерти.

2.3 16 августа 1988 года автор выехал в Будапешт поездом. Через два дня он был арестован на советско-венгерской границе венгерскими полицейскими, которые предъявили ему обвинение в убийстве отца К.Г. и доставили его в Будапешт. Автор утверждает, что ему не было разрешено встретиться со своим адвокатом или советским консулом. После трехдневного допроса ему было предложено подписать в присутствии переводчика какой-то документ. Полиция якобы заявила ему, что этот документ предназначался для советского консула, однако оказалось, что в нем шла речь о продлении срока предварительного содержания под стражей на 30 суток.

2.4 Автор содержался под стражей в полицейском участке в течение пяти месяцев. Он сообщает: "Последние два месяца меня не вызывали на допрос, и я даже подумал, что все обо мне забыли. Это было ужасно. Я не понимал ни слова по-венгерски. В моем багаже был учебник венгерского языка и словари, однако полицейские не разрешили мне изучать венгерский язык. Каждый день я в письменной форме просил разрешить мне встречу со своим адвокатом и российским консулом, однако никто на мои просьбы не реагировал. Кроме того, в течение пяти месяцев я не имел возможности написать куда-либо письмо". В январе 1989 года автор был переведен в тюрьму, где ему была предоставлена возможность изучать венгерский язык.

2.5 Касаясь вопроса о его юридическом представительстве и подготовке своей защиты, автор сообщает, что до суда он направил несколько писем в государственную прокуратуру. В августе 1989 года ему дали возможность изучать в течение шести дней при содействии переводчика "протоколы" (материалы дела) с целью подготовки защиты. Автор утверждает, что к материалам дела не были приобщены его письма и что у него было слишком мало времени для изучения дела объемом в 600 страниц. Он сообщает, что после изучения документов он впервые встретился со своим адвокатом. Он утверждает, что адвокат был слишком старым и немощным. Он заявляет, что, несмотря на то, что до суда он встречался со своим адвокатом пять раз, каждый раз они начинали просматривать дело с самого начала и что на двенадцатый день после начала суда адвокат вдруг спросил его, а кто же такая эта К.Г.?

2.6 26 сентября 1989 года в муниципальном суде Будапешта началось судебное разбирательство. Автора судили вместе с К.Г. Слушание дела, занявшее в общей сложности 14 дней, растянулось на четыре месяца. Автор утверждает, что никаких доказательств его вины представлено не было. В ходе перекрестного допроса К.Г. меняла свои показания шесть раз, что, по мнению автора, свидетельствует о беспочвенности выдвинутых ею обвинений в его адрес. Кроме того, никто из свидетелей обвинения не привел никаких фактов в доказательство его вины.

2.7 Автор далее заявляет, что в ходе суда судья признал, что Д.Т. вместе с К.Г. вступили в сговор с целью совершения убийства. Он утверждает, что, несмотря на такое заключение, не было предпринято никаких мер ни для поиска Д.Т., ни для вынесения последнему приговора *in absentia*. Автор далее сообщает, что в ответ на его претензии судья сказала ему, что жаловаться он будет в Сибири, и добавила, что ей очень хотелось бы, чтобы он был последним русским в Венгрии. Он заявляет, что дискриминационные высказывания судьи не были включены в протоколы судебного разбирательства, однако были записаны на магнитофон. 8 февраля 1990 года автор был признан виновным в совершении убийства при отягчающих обстоятельствах и приговорен к 10 годам лишения свободы (минимальное наказание, установленное законом за такое преступление) с последующей высылкой из Венгрии.

2.8 Впоследствии автор представил в Верховный суд Венгрии апелляцию с целью обжалования приговора на следующих основаниях:

а) председательствующий судья заявил, что автор признал свою вину, однако его заявления в полиции и материалы предварительного слушания свидетельствуют об обратном;

б) судья заявил, что кровь на теле жертвы являлась кровью автора, хотя судебный эксперт высказал в этой связи серьезные сомнения;

в) патолог показал, что покойный умер между 25 и 28 июля 1988 года, однако, согласно вынесенному судьей решению, покойный умер 25 июля 1988 года (т.е. в тот день, когда Д.Т. и К.Г. явились в сопровождении автора в дом покойного), что предполагает участие автора в совершении преступления.

2.9 30 октября 1990 года Верховный суд заслушал апелляцию обвинителя и ответчиков и приговорил автора дополнительно к четырем годам лишения свободы, квалифицировав совершенное автором деяние, за которое он был осужден судом первой инстанции, как преступление, совершенное из корыстных побуждений. Автор отмечает, что он не обвинялся в совершении ограбления или кражи и что никаких доказательств, уличающих его в этих деяниях, представлено не было. По мнению автора, решение Верховного суда является еще одним доказательством дискриминационного к нему отношения. Кроме того, он утверждает, что Верховный суд не принял во внимание представленную его адвокатом информацию и просто проигнорировал множество противоречий, зафиксированных в материалах судебного разбирательства.

2.10 После этого автор обратился к председателю Верховного суда с ходатайством о пересмотре его дела. 12 декабря 1991 года Верховный суд отклонил ходатайство автора. В этой связи автор отмечает, что все внутренние средства правовой защиты были им исчерпаны.

Жалоба

3. Хотя автор не ссылается на какие-либо положения Международного пакта о гражданских и политических правах, из его представления явствует, что, согласно его утверждениям, он является жертвой нарушения Венгрией статей 9, 10, 14 и 26 Пакта.

Замечания государства-участника по вопросу о приемлемости и комментарии по ним автора сообщения

4.1 В своем представлении от 25 марта 1993 года государство-участник отмечает, что Факультативный протокол вступил в силу для Венгрии 7 декабря 1988 года, и утверждает, что в соответствии с положениями статьи 28 Венской конвенции о праве договоров Комитет не компетентен рассматривать полученные от отдельных лиц жалобы, в которых идет речь о событиях, имевших место до даты вступления в силу Факультативного протокола для Венгрии. В этой связи государство-участник заявляет, что в силу принципа *ratione temporis* Комитет не правомочен рассматривать претензии автора, касающиеся его ареста и первых нескольких месяцев его содержания под стражей.

4.2 Государство-участник утверждает далее, что Комитет не компетентен рассматривать предполагаемые нарушения прав, выходящих за рамки положений Пакта. Оно заявляет, что ни одно из положений Пакта не запрещает суду первой инстанции свободно изучать факты, установленные в процессе оценки доказательств, формулировать разумные выводы относительно виновности обвиняемого и квалифицировать соответствующие действия на основе установленных фактов. В этой связи государство-участник утверждает, что Комитет не вправе рассматривать жалобу автора в силу принципа *ratione materiae*.

4.3 Государство-участник далее заявляет, что аналогичным образом Комитет не компетентен рассматривать жалобу автора в отношении того, что Д.Т., являющийся болгарским гражданином, не был привлечен к уголовной ответственности или осужден. Оно поясняет, что Д.Т. скрылся

после начала процессуальных действий и что суд первой инстанции издал постановление о его аресте. Государство-участник далее поясняет, что оно не потребовало от болгарских властей выдачи Д.Т., поскольку в соответствии с венгерско-болгарским договором о выдаче выдача не производится, если не подлежащее выдаче лицо является гражданином другого государства, подписавшего указанный договор.

4.4 Государство-участник признает, что автор исчерпал по своему делу доступные средства правовой защиты. Вместе с тем оно заявляет, что автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты в связи со своей жалобой на то, что тюремные власти препятствовали его контактам с внешним миром. Оно утверждает, что если у автора были основания считать, что кто-то чинит препятствия его контактам с другими лицами, то в соответствии с разделом 1f пункта 36 Указа № 11 1979 года об исполнении уголовных наказаний автор мог бы направить жалобу в компетентные органы власти. Кроме того, согласно пункту 22 изданного министерством юстиции Указа № 8/1979 (VI.30), любое осужденное лицо может направить ходатайство с просьбой о предоставлении ему средства правовой защиты в связи с нанесенным ему ущербом. Компетентные органы пенитенциарного учреждения обязаны рассмотреть соответствующее ходатайство и просьбу. Если осужденное лицо не удовлетворено принятыми в этой связи мерами, оно может представить жалобу компетентному должностному лицу пенитенциарного учреждения, которое обязано принять решение в течение 15 дней. Если и это решение не удовлетворяет осужденного, то жалоба передается на рассмотрение национального управления пенитенциарными учреждениями. Государство-участник заключает, что автор не воспользовался имевшимся в его распоряжении правом на представление такой жалобы и, следовательно, не исчерпал в этой связи внутренние средства правовой защиты.

5. В своем ответе от 5 мая 1993 года автор оспаривает высказанное государством-участником утверждение относительно того, что часть его сообщения является неприемлемой в силу принципа *ratione temporis*.

Решение Комитета о приемлемости

6.1 На своей пятидесятой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения.

6.2 Комитет принял к сведению, что Факультативный протокол вступил в силу для Венгрии 7 декабря 1988 года. Он напомнил, что Факультативный протокол не имеет обратной силы и что, согласно принципу *ratione temporis*, Комитет не вправе рассматривать предполагаемые нарушения Пакта, имевшие место до момента вступления в силу Факультативного протокола для соответствующего государства-участника. Он отметил, что в настоящем случае часть событий, касающихся содержания автора под стражей до суда, а также судебного разбирательства по его делу, имела место уже после 7 декабря 1988 года и что, таким образом, Комитет вправе рассматривать претензии автора по статьям 9 и 10, поскольку они относятся именно к этому периоду времени.

6.3 Коснувшись высказанной автором претензии относительно того, что один из подозреваемых по делу не был привлечен к уголовной ответственности и осужден, Комитет отметил, что в Пакте не закреплено право, позволяющее добиваться привлечения другого лица к уголовной ответственности. В этой связи Комитет постановил, что данная часть сообщения является неприемлемой как не совместимая с положениями Пакта по смыслу статьи 3 Факультативного протокола.

6.4 Комитет принял к сведению утверждение автора о том, что он был лишен права на справедливое судебное разбирательство по смыслу статьи 14 Пакта и о дискриминационном к нему отношении по причине его гражданства. Комитет пришел к выводу, что эти вопросы следует рассмотреть по существу.

7. В силу вышеизложенного 16 марта 1994 года Комитет по правам человека принял решение считать сообщение приемлемым в той части, в которой оно дает основания ссылаться на статьи 9, 10, 14 и 26 Пакта.

Представление государства-участника по существу дела и комментарии по нему автора сообщения

8.1 В представлении от 27 декабря 1994 года государство-участник отмечает, что, поскольку большинство утверждений автора относительно содержания под стражей в полицейском участке касаются событий, имевших место до вступления в силу Факультативного протокола Венгрии, они были объявлены Комитетом неприемлемыми. Однако в знак уважения к осуществляемой Комитетом деятельности государство-участник представляет свои разъяснения по существу этих претензий.

8.2 В связи с претензиями автора по пунктам 2 и 3 статьи 9 Пакта государство-участник отмечает, что автора незамедлительно уведомили о мотивах его ареста и что 20 августа 1988 года его поставили в известность о предъявленных ему обвинениях. 22 августа 1988 года в соответствии с венгерским законодательством было издано распоряжение о содержании его под стражей. Допрос автора проводился 29 августа и 5, 14 и 20 сентября 1988 года. 18 ноября 1988 года его поставили в известность о продлении срока содержания под стражей. 19 декабря 1988 года была проведена очная ставка с обвиняемой, и 5 и 6 января 1989 года ему были представлены соответствующие документы. В связи с утверждением автора о том, что в течение двух месяцев "о нем никто не вспоминал", государство-участник сообщает, что после 20 сентября 1988 года следственные органы проводили расследование по некоторым другим направлениям, поручили ряду экспертов подготовить заключения и опросили около 60 свидетелей. На основании вышеизложенного государство-участник заключает, что следственные органы проводили активную и энергичную работу с целью расследования дела и что никаких нарушений статьи 9 не было. Государство-участник отмечает, что автора содержали под стражей по причине того, что он являлся иностранцем, поскольку в случае его возвращения на родину он не подлежал бы выдаче в соответствии с заключенным между Венгрией и Советским Союзом соглашением.

8.3 Касаясь претензий по пунктам 1 и 2а статьи 10 Пакта, государство-участник сообщает, что тщательно изучило все документы и что согласно "описи" содержимого багажа автора никаких книг в багаже не было. Равным образом в так называемой книге регистрации просьб задержанных нет никаких упоминаний о просьбе предоставить учебник или словарь. В этой связи государство-участник отмечает, что автор представил в общей сложности 17 просьб и что лишь 9 ноября 1988 года он просил предоставить ему "разрешение на чтение", после чего такое разрешение ему было предоставлено. В отношении утверждения автора о том, что ему не разрешали писать письма в течение первых пяти месяцев содержания под стражей, государство-участник заявляет, что, поскольку регистрация переписки заключенных не ведется, представляется затруднительным проверить истинность этого утверждения. Вместе с тем государство-участник отмечает, что в книге регистрации просьб и в уголовном досье автора не зафиксировано никаких просьб или жалоб в связи с правом на переписку, поэтому оно считает маловероятным факт отказа автору в праве на ведение переписки. В заключение государство-участник сообщает, что до суда автор содержался под стражей в качестве задержанного отдельно от осужденных заключенных. В силу вышеизложенного государство-участник констатирует отсутствие каких-либо нарушений статьи 10 в связи с делом автора.

8.4 Касаясь утверждения автора о том, что у него не было достаточно времени для подготовки своей защиты, государство-участник отмечает, что адвокат автору был назначен 20 августа 1988 года и что из книги регистрации просьб следует, что автор обращался с просьбой о встрече с адвокатом 30 сентября и 13 октября 1988 года и что каждый раз об этом оповещали адвоката. Кроме того, в советское консульство были препровождены просьбы автора от 23 августа и 30 сентября 1988 года о встрече с консулом.

8.5 Касаясь утверждения автора о том, что у него не было достаточно времени для изучения документов с целью подготовки своей защиты, государство-участник сообщает, что шестидневный срок, который был предоставлен автору для изучения документов, нельзя считать слишком коротким и что сам автор или его адвокат могли ходатайствовать о продлении этого срока. Касаясь претензии относительно квалификации адвоката, государство-участник обращает внимание на отсутствие каких-либо свидетельств того, что автор высказывал какие-либо жалобы в связи с некомпетентностью своего адвоката или недостаточной его подготовленностью.

8.6 Касаясь утверждения автора о том, что представленные в доказательство его вины факты не должны были привести к его осуждению, государство-участник заявляет, что решение этого вопроса относится к сфере компетенции суда первой инстанции.

8.7 В связи с претензиями автора на то, что он является жертвой дискриминации, государство-участник отмечает, что, согласно утверждениям автора, зафиксированные на магнитной ленте дискриминационные высказывания судьи были исключены из письменных протоколов. В этой связи государство-участник ссылается на правила протоколирования серьезных уголовных дел, в соответствии с которыми в ходе слушания судья обязан четко диктовать на магнитофон предназначенные для протокола сведения и что ответчик и его адвокат имеют право в любое время комментировать диктовку судьи и ходатайствовать о внесении в протокол иной информации в дополнение к той, которая была надиктована судьей. В случае отказа судьи учесть возражения защиты в протокол заносится соответствующее постановление судьи. Слушание записывается на магнитофонную ленту и затем расшифровывается судебными секретарями; при этом следует отметить, что и на этом этапе защита вновь может выступить с возражениями. Из материалов дела явствует, что ни автор, ни его адвокат не требовали включения в протокол сделанных судьей замечаний и не высказывали никаких предложений или замечаний в связи с письменным протоколом или стенографическим отчетом. На основании вышеизложенного государство-участник указывает на отсутствие каких-либо фактов, свидетельствующих о том, что судья действительно делала приписываемые ей замечания. Кроме того, государство-участник отмечает, что на любом этапе судебного разбирательства председателю суда может быть заявлен протест по поводу явно предвзятой позиции какого-либо из судей. Однако ни автор, ни его представитель с таким протестом не выступали. На основании вышеизложенного государство-участник отрицает, что автор явился жертвой дискриминации со стороны судьи.

8.8 Из английского перевода решения суда первой инстанции, представленного государством-участником, явствует, что суд установил, что причиной смерти жертвы являлось чрезмерное стягивание тела веревками, повлекшее за собой паралич грудных мышц, применение этилхлорида с целью оказания седативного воздействия и удушение вследствие надевания на голову жертвы пластикового мешка. Суд также установил, что автор присутствовал в момент усыпления жертвы при помощи этилхлорида и что он принимал активное участие в связывании жертвы. Вследствие этого суд пришел к выводу, что автор мог предвидеть смерть жертвы в результате осуществленных им действий.

9.1 15 февраля 1995 года автор представил свои комментарии по представлению государства-участника. Он заявляет, что существо главной его претензии заключается в том, что по причине нарушения его прав он был осужден за убийство, хотя является невиновным.

9.2 Автор отрицает, что когда-либо признавал себя виновным в убийстве. Он далее сообщает, что из представления государства-участника явствует, что в течение первых пяти месяцев содержания под стражей в полицейском участке его допрашивали лишь пять раз.

9.3 Автор далее заявляет, что учебник венгерского языка и словарь находились в багаже, с которым он следовал в поезде из Советского Союза и который находился на хранении в полицейском участке в период его содержания там под стражей. В отношении книги регистрации просьб автор замечает, что в действительности он не мог ничего просить без содействия

следователя. Кроме того, он заявляет, что никому из задержанных не разрешалось иметь в камере ручку и бумагу. Он утверждает, что обращался через переводчика с устной просьбой разрешить ему вести переписку. Автор далее заявляет, что, насколько он знает, на первой странице тюремного досье по его делу указано, что по распоряжению прокурора ему не разрешается писать кому-либо письма до 1 июня 1989 года.

9.4 Автор вновь обращает внимание на то, что на втором и первом допросах в полицейском участке не присутствовал адвокат и что в ходе следствия он не встречался со своим адвокатом. Он далее заявляет, что шестидневный срок, отведенный ему для просмотра документов, являлся слишком коротким, поскольку он нуждался в помощи переводчика, что было сопряжено с дополнительными затратами времени. Кроме того, он сообщает, что у него не было достаточно времени, для того чтобы просмотреть документы в присутствии своего адвоката.

9.5 Касаясь суда, автор вновь возвращается к своему утверждению, согласно которому судья сказала ему, что ей очень хотелось бы, чтобы он был последним русским в Венгрии. Затем он вновь обращает внимание на отсутствие каких-либо доказательств его вины.

9.6 В заключение автор заявляет, что судья Верховного суда не представил никаких мотивов в обоснование своего решения о дополнительных четырех годах лишения свободы автора и что в тексте решения имеется множество противоречий.

9.7 Автор приходит к выводу, что государство-участник пытается ввести Комитет в заблуждение и что оно не удосужилось провести тщательную проверку документов.

Дополнительное представление государства-участника

10.1 В вербальной ноте от 4 декабря 1995 года государству-участнику было предложено представить дополнительные сведения о процедурах ареста и задержания, действовавших на момент ареста г-на Куломина, и их применении к автору. В представлении от 28 февраля 1996 года государство-участник поясняет, что в 1988 году правила ареста и задержания регулировались на основе статьи 91 Уголовно-процессуального кодекса, в соответствии с которой лица, подозреваемые в совершении какого-либо тяжкого преступления, могли содержаться под стражей в полицейском учреждении не более 72 часов. По истечении 72 часов задержание могло быть продлено лишь по решению прокурора или суда. Государство-участник поясняет, что до предания подозреваемого суду прокурор правомочен продлять его содержание под стражей, а после начала суда это право переходит к суду первой инстанции. Срок заключения под стражу до суда по решению прокурора не может превышать одного месяца, однако может быть продлен по распоряжению прокурора более высокой инстанции. Если по истечении одного года содержания под стражей до суда судебное разбирательство в отношении соответствующего лица так и не было начато, то решение о его дальнейшем заключении может быть принято лишь судом.

10.2 Касаясь вопроса о применении этих положений к г-ну Куломину, государство-участник отмечает, что автор был арестован 20 августа 1988 года и что 22 августа 1988 года государственная прокуратура Будапешта санкционировала его задержание на срок, не превышающий установленные законом 72 часа. Срок задержания продлился целым рядом прокуроров в соответствии с решениями от 14 сентября 1988 года, 11 ноября 1988 года, 17 января 1989 года, 8 февраля 1989 года, 17 апреля 1989 года и 17 мая 1989 года. После предания автора суду в мае 1989 года 29 мая 1989 года суд продлил срок его содержания под стражей до вынесения судом окончательного решения. Государство-участник заключает, что примененная процедура соответствовала венгерскому законодательству, как этого требует пункт 1 статьи 9 Пакта, где говорится: "никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом".

10.3 Государство-участник ссылается на решение Комитета о приемлемости, в котором он отмечал, что не вправе рассматривать предполагаемые нарушения, имевшие место до даты вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника. Государство-участник напоминает, что Факультативный протокол вступил в силу для Венгрии 7 декабря 1988 года, т.е. после ареста автора, который был произведен 20 августа 1988 года. Государство-участник утверждает, что вытекающее из пункта 3 статьи 9 Пакта обязательство обеспечить в срочном порядке доставку автора к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, подлежит осуществлению именно с этой даты. Ссылаясь на предыдущие решения Комитета и его замечание общего порядка, государство-участник обращает внимание на очевидность того, что соответствующая задержка не должна превышать нескольких дней. С учетом вышеизложенных соображений государство-участник приходит к выводу о том, что возможность применения пункта 3 статьи 9 ограничивается по времени и, в случае с автором, истекает где-то в августе 1988 года. По мнению государства-участника, соблюдение или несоблюдение обязательства, предусмотренного пунктом 3 статьи 9, не имеет никаких продолжительных последствий, вследствие чего государство-участник заключает, что рассмотрение вопроса о соответствии задержания г-на Куломина требованиям пункта 3 статьи 9 является неприемлемым в силу принципа *ratione temporis*.

10.4 Затрагивая вопрос о соответствии этой процедуры требованиям пункта 3 статьи 9, государство-участник толкует термин "другие должностные лица, которым принадлежит по закону право" как обозначающий должностных лиц, обладающих, аналогично суду, независимостью от исполнительных структур. В этой связи государство-участник отмечает, что, согласно законодательству, действовавшему в Венгрии в 1988 году, Генеральный прокурор выбирался парламентом и был подотчетен парламенту. Все остальные прокуроры находились под его началом. В силу вышеизложенного государство-участник заключает, что существовавшая в то время структура прокурорского надзора не была никоим образом связана с исполнительной властью и действовала независимо от нее. В этой связи государство-участник утверждает, что прокуроры, принимавшие решения о продолжении срока содержания г-на Куломина под стражей, могут быть отнесены к категории других должностных лиц, которым по смыслу пункта 3 статьи 9 принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, и что, таким образом, никакого нарушения Пакта не было.

10.5 В заключение государство-участник информирует Комитет о том, что вышеупомянутые положения были изменены в соответствии с Законом XXVI 1989 года, который вступил в силу 1 января 1990 года. Измененные правовые нормы гласят, что лица, арестованные по обвинению в совершении уголовных преступлений, должны доставляться в суд не позднее чем через 72 часа и что после заслушания обвинителя и защиты суд выносит решение по вопросу о заключении под стражу до суда. Решение суда может быть обжаловано.

Рассмотрение дела по существу

11.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как того требует пункт 1 статьи 5 Факультативного протокола.

11.2 Комитет принял к сведению выдвинутый государством-участником аргумент о неприемлемости для рассмотрения в силу принципа *ratione temporis* вопроса о том, был ли автор после ареста в срочном порядке доставлен к судье или другому должностному лицу, имеющему по закону право осуществлять судебную власть. Вместе с тем Комитет отмечает, что смысл первой фразы пункта 3 статьи 9 заключается в обеспечении судебного контроля над задержанием лица, обвиняемого в совершении уголовного преступления. Несоблюдение этой нормы при возбуждении процедуры задержания какого-либо лица влечет за собой нарушение пункта 3 статьи 9, которое может быть прекращено путем применения соответствующих мер правовой защиты. Автор содержался под стражей в режиме предварительного заключения до начала судебного разбирательства в мае 1989 года. На основании вышеизложенного Комитет заключает, что принцип *ratione temporis*

не может препятствовать рассмотрению им вопроса о том, соответствовал ли режим содержания автора под стражей положениям пункта 3 статьи 9.

11.3 Комитет отмечает, что после ареста автора 20 августа 1988 года было издано распоряжение о его заключении под стражей до суда, срок которого по решению прокурора несколько раз продлялся до тех пор, пока автор не предстал перед судьей 29 мая 1989 года. Комитет считает, что обязательным элементом, необходимым для надлежащего исполнения судебной власти, является проведение разбирательства по соответствующему делу независимым, объективным и беспристрастным органом. С учетом обстоятельств данного дела Комитет не удовлетворяет выдвинутый государством-участником аргумент, что государственный прокурор может обладать необходимой объективностью и беспристрастностью для того, чтобы рассматривать его по смыслу пункта 3 статьи 9 в качестве "должностного лица, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть".

11.4 Автор далее утверждает, что во время нахождения под стражей в полицейском учреждении он был лишен возможности изучать венгерский язык и не имел права переписываться со своей семьей и друзьями. Государство-участник опровергает эти утверждения, заявляя, что автор обратился с просьбой разрешить ему чтение 9 ноября 1988 года, после чего эта просьба была удовлетворена, и что не имеется никаких свидетельств того, что автор обращался с какими-либо просьбами, касающимися переписки, хотя регистрация переписки заключенных не ведется. С учетом вышеизложенного Комитет заключает, что представленные ему факты не свидетельствуют о том, что автор является жертвой нарушения статьи 10 Пакта.

11.5 В отношении претензии автора по статье 14 Пакта Комитет отмечает, что адвокат был назначен автору 20 августа 1988 года, что автор просил разрешить ему встретиться со своим адвокатом, что, согласно утверждению государства-участника, адвокат был поставлен в известность о просьбах автора и что, согласно заявлениям автора, он так и не встретился со своим адвокатом. Комитет далее отмечает, что остается неясным, когда автор впервые встретился со своим адвокатом, однако из материалов дела следует, что до начала суда над ним автор несколько раз встречался со своим адвокатом. Кроме того, Комитет отмечает, что автору была предоставлена возможность изучить при содействии переводчика материалы дела для целей подготовки своей защиты и что не имеется никаких свидетельств того, что в этой связи он высказывал венгерским властям какие-либо претензии. Что касается его представительства в суде, то автор не высказывал никаких конкретных жалоб по поводу каких-либо ошибок адвоката в процессе защиты; равным образом из материалов дела не следует, что адвокат не сумел обеспечить надлежащее представительство автора. С учетом вышеизложенных обстоятельств Комитет заключает, что представленные ему факты не свидетельствуют о том, что у автора не было достаточно времени и средств для подготовки своей защиты. Равным образом имеющаяся у Комитета информация не позволяет ему прийти к выводу, что адвокат автора не сумел обеспечить его эффективное представительство в интересах отправления правосудия.

11.6 Автор далее утверждает, что судья в суде первой инстанции предвзято к нему относилась, что конкретно проявилось в дискриминационном к нему отношении по признаку гражданства. Комитет отмечает, что в решении суда первой инстанции отсутствуют какие-либо признаки предвзятости со стороны судьи. Кроме того, в ходе судебного разбирательства автор и его представитель не высказывали никаких возражений в связи с действиями судьи. С учетом вышеизложенных обстоятельств Комитет заключает, что у автора нет никаких оснований для утверждений о том, что он явился жертвой дискриминации по признаку гражданства.

11.7 Касаясь вопроса об апелляции, автор утверждает, что Верховный суд ужесточил вынесенный ему приговор, посчитав, что он действовал из корыстных побуждений, тогда как ему никогда не предъявлялись обвинения в ограблении или воровстве. Вместе с тем Комитет отмечает, что из материалов суда явствует, что в действительности автора обвиняли в совершении убийства при отягчающих обстоятельствах и из корыстных побуждений. Хотя суд первой инстанции признал его

виновным лишь в убийстве при отягчающих обстоятельствах, Верховный суд пересмотрел это решение и признал автора виновным в совершении убийства при отягчающих обстоятельствах и из корыстных побуждений. Комитет далее отмечает, что председатель Верховного суда пересмотрел осуждение и приговор, вынесенный Верховным судом автору. В силу вышеизложенного Комитет заключает, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении Пакта в связи с апелляцией автора.

11.8 Пользуясь представившейся возможностью, Комитет вновь обращает внимание на то, что оценка фактов и доказательств по конкретному уголовному делу не входит в обязанности Комитета, а является прерогативой судов соответствующих государств-участников и что Комитет не может давать оценку по вопросу о виновности или невиновности того или иного лица. Такое правило не применяется лишь тогда, когда из представленной в Комитет информации явно следует, что соответствующие решения судов являются произвольными или равносильны отказу в правосудии. Что касается настоящего дела, то в находящемся на рассмотрении Комитета письменных представлениях отсутствуют какие-либо факты, которые позволяли бы ему сделать такое заключение.

12. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что факты, которыми он располагает, свидетельствуют о нарушении пункта 3 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах.

13. В соответствии с пунктом 3а статьи 2 Пакта г-н Куломин имеет право на эффективное средство правовой защиты. Государство-участник обязано не допускать повторения аналогичных нарушений в будущем.

14. Поскольку присоединение государства-участника к Факультативному протоколу означает, что это государство-участник признает компетенцию Комитета выносить решения по вопросу о наличии или отсутствии нарушений Пакта и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязано гарантировать всем находящимся на его территории и под его юрисдикцией лицам закрепленные в Пакте права и предоставлять им в случае установления факта нарушения эффективные и подлежащие исполнению в судебном порядке средства правовой защиты. Комитет рекомендует государству-участнику направить ему в течение 90 дней информацию о принятых мерах с целью практической реализации сформулированных Комитетом соображений.

[Составлено на английском, испанском и французском языках, причем текстом оригинала является английский.]

Добавление

Особое мнение члена Комитета г-на Нисуке Андо

Я не считаю достаточно убедительным сформулированное Комитетом заключение о нарушении в рассматриваемом случае пункта 3 статьи 9 Пакта (см. пункт 12). Мотивы такого заключения излагаются в пункте 11.3: с учетом обстоятельств рассматриваемого дела Комитет выразил свою неудовлетворенность тем, что прокурор может рассматриваться по смыслу пункта 3 статьи 9 в качестве "должностного лица, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть".

Пункт 3 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах гласит, что каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Согласно толкованию государства-участника, выражение "другое должностное лицо, которому принадлежит по закону право", означает должностное лицо, обладающее такой же степенью независимости по отношению к исполнительной власти, что и суд. Кроме того, оно отмечает, что, согласно действовавшему в Венгрии в 1988 году законодательству, генеральный прокурор избирался парламентом и был подотчетен парламенту и что все остальные прокуроры находились в его подчинении (пункт 10.4).

Практика показывает, что национальное законодательство многих государств-участников наделяет прокуроров определенными судебными полномочиями, включая право проводить расследование и привлекать к судебной ответственности подозреваемых по уголовным делам. Согласно действовавшему в Венгрии в 1988 году законодательству, эти полномочия включали право продлить до одного года срок нахождения подозреваемых под стражей до суда (пункт 10.1).

Содержание подозреваемых под стражей до суда в течение одного года представляется мне чрезмерным. Кроме того, хотя в соответствии с действовавшими в Венгрии в 1988 году законами решение о продлении срока содержания под стражей принимал один прокурор, а испрашивал такое продление другой, такая система допускала возможность чрезмерно продолжительного содержания под стражей.

Вместе с тем я не могу согласиться с приведенным выше категорическим утверждением Комитета, согласно которому в рамках применявшейся в Венгрии системы деятельность прокурора однозначно не предполагает необходимой объективности и беспристрастности, для того чтобы считать его по смыслу пункта 3 статьи 9 "должностным лицом, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть". Даже в рамках такой системы решение прокурора о продлении срока содержания под стражей лица, подозреваемого по какому-либо конкретному делу, может быть вполне беспристрастным и объективно оправданным. Отрицать наличие такой беспристрастности и объективности Комитет может лишь в том случае, если он укажет на конкретные обстоятельства настоящего дела, побудившие его сформулировать такое заключение, однако в тексте принятых Комитетом соображений никаких указаний на этот счет не имеется.

Н. Андо

[Подлинный текст на английском языке]